

ОБАЯНИЕ ТАЙНЫ
ПРОЗА АРТУРО ПЕРЕСА-РЕВЕРТЕ
И ИЛЬДЕФОНСО ФАЛЬКОНЕСА

ИЛЬДЕФОНСО
ФАЙКОНЕС

СОБОР У МОРЯ

Москва

2015

УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44
Ф19

Idefonso Falcones
LA CATEDRAL DEL MAR

© 2006, Idefonso Falcones de Sierra.
Translated from the original edition
of Random House Mondadori, Barcelona, 2006

Перевод с испанского *Виктора Степанова*
Художественное оформление *Андрея Саукова*
Иллюстрация на переплете *Ивана Хивренко*

Фальконес, Ильдефонсо.

Ф19 Собор у моря / Ильдефонсо Фальконес ; [пер. с исп. В. Степанова]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 736 с. — (Обаяние тайны. Проза Артуро Переса-Реверте и Ильдефонсо Фальконеса).

ISBN 978-5-699-78994-8

Счастливая жизнь Берната Эстаньолы закончилась в ночь свадьбы, когда его сеньор воспользовался правом первой ночи. Забыть это унижение ни он, ни его жена не смогли. А спустя несколько лет Бернату, спасаясь от гнева сеньора, пришлось бросить свой дом и с сыном Арнау бежать в Барселону в надежде затеряться в большом городе.

Но и здесь удача не была к нему благосклонна — Бернат погибает.

Потеряв отца, Арнау вынужден выживать в жестоком и опасном мире, где горе людей, их боль, страдания и надежды остаются незамеченными.

Сможет ли Арнау противостоять судьбе или тяжесть ноши, выпавшей на его долю, окажется непосильной?

УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44

© Степанов В., перевод
на русский язык, 2014
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Э», 2015

ISBN 978-5-699-78994-8

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
РАБЫ ЗЕМЛИ

1

1320 год

Дом Берната Эстаньола,

Наваррлес, графство Каталония

Улучив момент, когда, казалось, никто не обращал на него внимания, Бернат посмотрел вверх, на безоблачное голубое небо.

Мягкое солнце конца сентября ласкало лица его гостей. Бернат потратил немало времени и усилий, готовясь к этому празднику, и теперь его могла испортить только немилосердная погода.

Улыбнувшись осеннему небу, Бернат опустил глаза, и улыбка на его лице расплылась еще шире: на каменной эспланаде, протянувшейся перед воротами, вдоль первого этажа дома, царило всеобщее веселье.

Около тридцати приглашенных гостей беззаботно радовались жизни. Урожай винограда в этом году был великолепен. Мужчины, женщины и дети работали с утра до ночи: сначала они собирали виноград, а потом давили из него сок, не давая себе ни дня отдыха. Только когда вино было залито для брожения в бочки, а мезга подготовлена для того, чтобы в скучные зимние дни перегонять выжимки в самогон, крестьяне принялись отмечать сентябрьские праздники.

В эти же дни Бернат Эстаньол решил сыграть свадьбу.

Бернат смотрел на гостей. Они, должно быть, встали на заре, чтобы пройти пешком расстояние, отделявшее их дома от усадьбы Эстаньола — для некоторых весьма приличное. Они оживленно болтали, вероятно, о свадьбе или об урожае, а возможно, о том и другом; некоторые гости, как, например, группа, состоящая из его двоюродных братьев и семьи Пуиг, то и дело разражались хохотом и с лукавством поглядывали в его сторону. Чувствуя, что краснеет под их взглядами, Бернат решил избегать столь назойливого внимания; ему, честно говоря, не хотелось знать причину их смеха. Он видел стоящих в разных местах эспланады представителей семей Фонтаниес, Вида, Жоанкет и, разумеется, родственников невесты.

Бернат украдкой посмотрел на своего тестя, Пэре Эстеve, который только и делал, что поглаживал свой огромный живот и, широко улыбаясь, переходил от одних гостей к другим. Пэре повернулся к нему, и, глядя на его сияющее лицо, Бернат невольно счел себя обязанным кивнуть ему — уже, наверное, в сотый раз. Поискав глазами своих шуринов, он, наконец, разглядел их среди приглашенных. С самого начала они относились к нему с некоторой подозрительностью, хотя Эстаньол старался понравиться им.

Бернат вновь устремил взгляд в небо. Похоже, урожай и погода решили быть вместе с ним на его празднике. Он посмотрел на свой дом, а потом снова на людей, и слегка поджал губы. Внезапно, несмотря на общее оживление, он почувствовал себя одиноким. Прошел всего лишь год с той поры, как Бернат похоронил отца, но его сестра, Гиамона, которая обосновалась в Барселоне после того, как вышла замуж, и которую ему очень хотелось увидеть, так и не ответила ни на один из приветов, посланных ей братом. А ведь Бернат был ее единственным прямым родственником, оставшимся после смерти отца...

Смерть старшего Эстаньола превратила их усадьбу в предмет интереса всей округи: свахи и отцы с незамужними дочерьми шли сюда безостановочно. Прежде их никто не навещал, но смерть отца, который из-за своих преступов бешенства заслужил прозвище Безумный Эстаньол, вернула надежды тем, кто хотел выдать свою дочь за самого богатого селянина в округе.

— Ты уже достаточно взрослый, чтобы жениться, — говорили ему. — Сколько тебе лет?

— По-моему, двадцать семь, — отвечал Бернат.

— В этом возрасте у тебя уже должны быть внуки, — упрекали молодого человека. — Что ты будешь делать со своим хозяйством один? Тебе нужна жена.

Бернат терпеливо выслушивал советы, зная, что за каждым из них непременно следовало упоминание новой кандидатуры, достоинства которой превосходили силу быка и красоту самого невероятного захода солнца.

Тема не была для него новой.

Безумный Эстаньол, овдовевший после рождения дочери Гиамоны, тоже собирался женить его, но все отцы с дочерьми на выданье выходили из их дома с проклятиями: никто не мог удовлетворить требования сумасшедшего старика к приданому, которое должна была принести будущая сноха. Постепенно интерес к Бернату ослаб. С возрастом старик стал еще капризнее, а приступы бешенства у него сменились бредом. Бернат из кожи вон лез, заботясь о земле и об отце, и вдруг в двадцать семь лет оказался один на один с теми, кто желал породниться с ним.

Первым, кто пришел к Бернату, когда он еще не успел похоронить покойного, был управляющий сеньора де Наваркlesa, местного феодала.

«Как ты был прав, отец!» — подумал Бернат, увидев подъезжающего к дому гостя, которого сопровождали несколько солдат на лошадях.

— После моей смерти, — повторял ему старик бесчисленное количество раз, когда к нему возвращался рассудок, — они придут к тебе, и тогда ты покажешь им завещание.

И отец указывал рукой на камень, под которым лежал завернутый в кусок кожи документ, запечатлевший последнюю волю Безумного Эстаньола.

— Зачем, отец? — спросил его Бернат, когда старик впервые сказал об этом.

— Как ты знаешь, — ответил тот, — мы владеем этими землями благодаря бессрочной аренде, но я вдовец, и если бы не сделал завещания, то после моей смерти сеньор имел бы право взять себе половину нашего движимого имущества и скота. Это право называется *интестия*, есть еще много других, составленных в пользу сеньоров, и ты должен знать их все. Придут, Бернат, придут отбирать наше, и, только показав им завещание, ты сможешь отделаться от них.

— А если они отберут завещание? — спросил Бернат. — Ты ведь знаешь, какие они...

— Даже если они это сделают, оно все равно записано в книгах.

Ярость управляющего и самого сеньора стала известна всей округе, и положение сироты, наследника всего добра Безумного Эстаньола, стало выглядеть еще более привлекательным.

Бернат очень хорошо помнил визит, который нанес ему его нынешний тесть еще до начала сбора винограда. Пять сольдо, тюфяк и белая льняная рубашка — это было все, что он предложил в качестве приданого за свою дочь Франческу.

— Зачем мне белая льняная рубашка? — спросил его Бернат, продолжая перебрасывать солому на первом этаже своего дома.

— Смотри, — Пэре Эстеве жестом указал на вход.

Опершись на вилы, Бернат проследил за его рукой.

Вилы упали на солому. Пронизанная светом, перед ним явилась Франческа, одетая в белую льняную рубашку..

Каким же манящим оказалось ее тело!

Дрожь пробежала по спине Берната. Пэре Эстеве понимающе улыбнулся.

Бернат принял предложение. Он сделал это там же, на сеновале, не приближаясь к девушке, но и не сводя с нее глаз.

Конечно, его решение было поспешным, Бернат понимал это, но он не мог сказать, что раскаивается; Франческа, молодая, красивая, крепкая, вызвала у него бурю чувств. Аж дыхание перехватило!

Сегодня же...

О чем думала девушка? Чувствовала ли она то же, что и он?

Франческа не принимала участия в веселой болтовне женщин; она молчаливо стояла рядом с матерью и лишь натянуто улыбалась в ответ на шутки и хохот остальных. На мгновение их взгляды встретились. Она покраснела и опустила глаза, и Бернат заметил, как кольхнулась ее грудь, выдавая волнение. Белая льняная рубашка вновь возникла в воображении Берната, в нем вспыхнуло желание...

— Поздравляю тебя! — услышал он голос тестя, который подошел сзади и сильно хлопнул его по плечу. — Береги ее, — добавил он, следя за взглядом Берната и показывая на дочь, которая уже не знала, где спрятаться. — Что ж, если жизнь, которую ты ей готовишь, будет такой же, как этот праздник... Это самый лучший пир, на котором я когда-либо бывал. Уверен, даже сеньор де Наварклес не наслаждался такими яствами!

Бернат постарался на славу угостить своих гостей: он приготовил сорок семь буханок белого хлеба из пшеничной муки, отказавшись от ячменя, ржи и полбы, которую обычно ели крестьяне. Мука из пшеницы высшего качества была белая, как рубашка его супруги! Погрузив хлеб, он прибыл в замок, чтобы выпечь его в печи сеньора де Наваркlesa. Бернат надеялся, что две буханки, как всегда,

будут достаточной платой, чтобы ему разрешили сделать это. При виде пшеничного хлеба глаза пекаря открылись так широко, что стали похожими на две тарелки, а потом закрылись, превратившись в едва заметные щели. Плата возросла до семи буханок, и Бернат уехал из замка, проклиная закон, который не позволял крестьянам иметь собственную печь для выпечки хлеба и кузницу, а также заниматься шорным делом...

— Разумеется, — ответил он тестю, отгоняя неприятные мысли.

Оба смотрели на эспланаду перед домом.

Возможно, у него и украли часть хлеба, думал Бернат, но не вино, поданное сегодня гостям, — самое лучшее, которое готовил еще его отец, выдерживая годами, не украли и солонину, и олью, и, конечно же, четырех баранов, надетых на вертела и медленно жарившихся над углями, покрываясь золотистой корочкой и издавая запах, перед которым нельзя было устоять.

Внезапно женщины пришли в движение. Оля была готова, и тарелки, которые подносили гости, начали наполняться. Пэре и Бернат присели за единственным столом, который был на эспланаде, и женщины стали подавать кушанья. Никто больше не сел, четыре оставшихся стула были свободны.

Люди взялись за еду; одни стояли, другие присели на бревна, а некоторые устроились прямо на земле. Все не сводило глаз с баранов, за которыми постоянно присматривали женщины.

Гости пили вино, весело болтали, кричали и смеялись.

— Что за дивный праздник! — многозначительно воскликнул Пэре Эстеве, поднося ко рту ложку за ложкой.

Кто-то предложил выпить за молодых. Все сразу оживились и поддержали тост.

— Франческа! — крикнул тесть, держа в руке стакан. Он повернулся в сторону невесты, которая стояла среди женщин, суетившихся у вертелов с баранами.

Бернат посмотрел на девушку, но та снова спрятала лицо. — Волнуется, — извинился за нее Пэре и лукаво подмигнул зятю. — Франческа, доченька! — снова крикнул он. — Выпей с нами! Давай сейчас, потому что вскоре мы уйдем... почти все.

Взрывы хохота смутили Франческу еще больше. Девушка чуть приподняла свой стакан, который ей вставили в руку, но так и не выпила из него. Повернувшись спиной к смеющимся гостям, она снова взялась за приготовление баранов.

Пэре Эстеве ударил стаканом о стакан Берната так, что вино немного расплескалось. Гости последовали их примеру.

— Теперь тебе придется позаботиться о том, чтобы у нее прошла застенчивость, — громко сказал он, чтобы его услышали все присутствующие.

Снова раздался хохот, на этот раз сопровождаемый салыми подковырками, на которые Бернат предпочел не обращать внимания.

Между смехом и шутками все отдавали должное вину, солонине и олье. Когда женщины начали снимать баранов с углей, гости внезапно замолчали и стали смотреть на опушку леса, выходящую на ту часть угодий Берната, которая находилась немного дальше, за широкими полями пашни, в конце пологого склона, где Эстаньолы высаживали виноград, дававший им такое замечательное вино.

Через несколько секунд молчание воцарилось на всей эспланаде.

Среди деревьев показались трое всадников. За ними шли пешие в форме.

— Что это? — шепотом спросил Пэре Эстеве.

Бернат пристально следил за людьми, которые приближались, огибая его поля. Гости тихо переговаривались между собой.

— Не понимаю, — сказал, наконец, Бернат, не заметив, что тоже перешел на шепот. — Он никогда прежде не проходил здесь. Эта дорога не ведет к замку.

— Не нравится мне это посещение, — пробормотал Пэре Эстеве.

Группа двигалась медленно. По мере ее приближения смех и веселье угасали, и вскоре оживление, царившее до сих пор на эспланаде, исчезло — как и не бывало его. Бернат оглядел своих гостей: некоторые из них притихли, другие стояли с опущенной головой. Он стал искать глазами затерявшуюся среди женщин Франческу и не нашел ее. Голосище сеньора Наварклес уже доносился до них. Бернат почувствовал, как его начинает охватывать ярость.

— Бернат! Бернат! — воскликнул Пэре Эстеве, дергая его за руку. — Чего ты стоишь? Беги, встречай своего сеньора.

— Добро пожаловать в наш дом, — поприветствовал Бернат незваных гостей, подбежав к сеньору и его спутникам.

Льоренс де Бельера, сеньор де Наварклес, потянул свою лошадь за поводья и остановился перед Бернатом.

— Ты сын Безумного Эстаньола? — сухо спросил он.

— Да, сеньор.

— Мы охотились и, возвращаясь в замок, были удивлены, когда увидели этот праздник. По какому поводу веселитесь?

За лошадьми Бернат разглядел солдат, нагруженных всякой дичью: зайцы, дикие петухи. «Лучше бы вы объяснили свой приезд сюда, — хотелось крикнуть ему. — Или, может быть, это пекарь донес вам о хлебе из муки высшего качества?»

Казалось, даже лошади, пялящие свои большие круглые глаза на него, ожидали ответа.

— Празднуем мою свадьбу, сеньор.

— На ком ты женишься?

— На дочери Пэре Эстеве, сеньор.

Льоренс де Бельера молча уставился на Берната из-за головы своей лошади. Животные громко фыркали.

— Ну, — угрожающе начал Льоренс де Бельера.

— Моя супруга и я сам, — сказал Бернат, пытаюсь подавить отвращение, — почли бы за великую честь, если бы ваша милость и ваши спутники соблагОВОЛИЛИ присоединиться к нам.

— Мы хотим пить, Эстаньол, — коротко ответил сеньор де Бельера.

Лошади пришли в движение, хотя всадники даже не прищипорили их. Бернат, метнув взгляд на сеньора, направился к дому. Тем временем все гости собрались поприветствовать своего сеньора: женщины опустили глаза, а мужчины — сняв головные уборы. Когда Льоренс де Бельера предстал перед ними, поднялся глухой шум.

— Ладно, ладно, — сказал тот, слезая с лошади, — празднуйте дальше.

Люди подчинились и молча отошли в сторону. Тем временем солдаты бросились к лошадям и занялись ими. Бернат проводил новоприбывших гостей к столу, за которым несколько минут назад он сидел со своим тестем Пэре. Их тарелки тут же исчезли вместе со стаканами.

Сеньор де Бельера и оба его спутника сели за стол.

Когда они принялись болтать между собой, Бернат отошел на несколько шагов назад, а женщины стали быстро подносить кувшины с вином, стаканы, хлеб, тарелки с курицей, блюда с солониной и только что поджаренной бараниной. Бернат искал взглядом Франческу и снова не нашел ее. Среди женщин его молодой жены не было. Он встретился взглядом с тестем, который уже стоял вместе с остальными. Развернувшись вполоборота, Пэре Эстеве незаметно покачал головой.

— Продолжайте ваш праздник! — крикнул Льоренс де Бельера, держа в руке баранью ногу. — Давайте, вперед!

Гости молчаливо двинулись к углям, поближе к жареной баранине. Только несколько человек, находившихся вдали от взглядов сеньора и его друзей, стояли спокойно: Пэре Эстеве, его сыновья и еще кто-то из приглашенных. Бер-

нат, заприметив среди них белую льняную рубашку, тут же подошел к ним.

— Уйди отсюда, дурак, — буркнул тесть.

Прежде, чем Бернат успел ответить, мать Франчески дала ему в руки поднос с бараниной и шепнула:

— Иди, ухаживай за сеньором и не подходи к моей дочери.

Крестьяне вполголоса хвалили сочную баранину и украдкой поглядывали в сторону стола. На эспланаде были слышны только взрывы хохота и крики сеньора де Наваркеса и его двоих друзей. Солдаты отдыхали в стороне от всех.

— Раньше было слышно, как вы смеетесь! — крикнул сеньор де Бельера. — Казалось, что вы даже распугали дичь. Веселитесь же, черт вас возьми!

Никто не проронил ни слова.

— Сельские скоты, — проворчал сеньор, обращаясь к своим спутникам. Те встретили это замечание хохотом и стали утолять голод, уминая баранину и хлеб из лучшей муки. Тарелки с солониной и курицей стояли вразброс по всему столу. Бернат ел стоя, пристроившись немного поодаль, и искоса поглядывал на кучку женщин, среди которых пряталась Франческа.

— Еще вина! — потребовал сеньор де Бельера, поднимая стакан. — Эстаньол! — внезапно позвал он Берната, высматривая его среди гостей. — В следующий раз, когда ты будешь платить подать за землю, принесешь такое же вино, как это, а не то пойло, которым потчевал меня твой отец.

Не обнаружив Берната, который слушал, стоя у него за спиной, сеньор хмуро огляделся и уставился на мать Франчески, подошедшую с кувшином вина. — Эстаньол, где же ты?

Кабальеро ударил по столу как раз в тот момент, когда женщина поднесла кувшин, чтобы наполнить его стакан. Несколько капель вина забрызгали одежду Льоренса де Бельеры.

Бернат уже стоял перед ним. Друзья сеньора смеялись над происшедшим, а Пэре Эстеве закрыл руками лицо.

— Старая дура! Кто тебе поручил наливать вино?

Женщина опустила голову в знак покорности, а когда сеньор замахнулся, чтобы дать ей пощечину, упала на землю. Льоренс де Бельера повернулся к своим друзьям, и те разразились хохотом, наблюдая, как старуха удаляется от стола ползком.

Затем он снова принял серьезный вид и обратился к Бернату:

— А, ты здесь, Эстаньол. Смотри, это неуклюжее старье ни на что не способно! Разве ты хочешь оскорбить своего сеньора? Неужели ты такой невежда, что даже не знаешь, что за гостями должна ухаживать хозяйка дома? Где невеста? — спросил он, скользнув взглядом по эспланаде. — Где невеста? — повторил он при всеобщем молчании.

Пэре Эстеве взял Франческу за руку и подвел ее к столу, чтобы передать дочь Бернату.

Девушка дрожала.

— Ваша милость, — произнес Бернат, — позвольте представить вам мою жену Франческу.

— Вот это уже лучше, — заметил Льоренс, без всякого стеснения осматривая девушку с головы до ног, — гораздо лучше. С этого момента она будет подавать нам вино.

Сеньор де Наварклес снова присел к столу и повернулся к девушке, подняв стакан. Франческа взяла кувшин и поспешила к нему. Рука девушки дрожала, и Льоренс де Бельера схватил ее за запястье и держал так, пока вино лилось в стакан. Затем он потянул ее за руку и заставил поухаживать за своими спутниками. Грудь девушки касалась лица Льоренса де Бельеры.

— Вот как наливают вино! — крикнул сеньор де Наварклес, пока Бернат, стоя сбоку от него, сжимал от злости кулаки и скрипел зубами.

Льоренс де Бельера и его спутники продолжали пить и требовали присутствия Франчески, чтобы повторить